

КЕН ДЖАВОРОВСКИ

ГРЕХИ
МАЛЕНЬКОГО
ГОРОДКА

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д40

Ken Jaworowski
SMALL TOWN SINS
Copyright © Ken Jaworowski, 2023
All rights reserved

Настоящее издание выходит с разрешения
Sterling Lord Literistic, Inc. и *The Van Lear Agency*

Перевод с английского Ольги Кидвати
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Джаворовски К.

Д40 Грехи маленького городка / Кен Джаворовски ; пер.
с англ. О. Кидвати. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус,
2025. — 352 с. — (Песни Юга).

ISBN 978-5-389-26696-4

Все когда-то меняется. Вот и трое жителей сонного американского городка, затерянного среди холмов Пенсильвании, независимо друг от друга принимают судьбоносные решения, которые разделят их жизнь на «до» и «после». Пересекаясь, сплетаясь и снова расходясь, линии трех героев — пожарного Нейтана, нашедшего мешок с деньгами, самоотверженной медсестры Келли, страдающей от внешнего уродства, и бывшего наркомана Энди, потерявшего всех, кого он любил, — двигаются к неизбежному финалу, где всем воздастся по грехам их.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© О. Кидвати, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-26696-4

Нейтан

Я могу четко проследить линию собственной жизни с того летнего вечера, когда мне было семнадцать. Оттуда все и началось, связав между собой все дальнейшие годы. Как в детской игре, где надо соединить точки в определенной последовательности: начинаешь с одной из них, ведешь к другой, к третьей, к следующей, и рано или поздно на бумаге появляется изображение.

Тогда я только что окончил одиннадцатый класс и мусолил пару идей насчет того, как лучше убраться из Локсбурга — пенсильванского захолустья, откуда я мечтал сбежать с тех пор, как достаточно вырос, чтобы начать издевательски называть его Блоксбургом. Одной из возможностей был колледж, другой, более дешевой, — служба в морской пехоте. Годилось и то, и другое, лишь бы уехать.

Среди одноклассников у меня образовалось множество приятелей, а вот настоящих друзей не нашлось. И вовсе не из-за моего плохого поведения, совсем наоборот: я был единственным сыном сладкоголосой материнвалида и отца-дьякона, которые вместе поддерживали на плаву норовившую пойти ко дну церковь, слишком бедную, чтобы позволить себе штатного священника. Если я не делал уроки и не помогал по дому, то торчал в церкви Святого Станислава, выковыривая потеки воска

из подсвечников или заделывая трещины, оставленные суровыми зимами на внешней стороне каменных стен.

Однажды субботним вечером я шел из церкви домой: голова опущена, руки в карманах. Когда я свернул за угол, в десяти ярдах от меня сбежала по ступеням крыльца своего дома Лили Роланд, будущая десятиклассница и весьма примечательная личность. В свои пятнадцать она беспардонно кокетничала почти со всеми мальчишками, кроме меня. Когда Лили порхала по школьным коридорам, я украдкой наблюдал за ней, очарованный, но настороженный.

— Привет, Нейт! — окликнула она, хотя сам я не использовал краткий вариант своего имени.

Я задрал подбородок, пытаюсь скрыть смущение. Поскольку раньше мы с Лили ни разу не разговаривали, меня изумило, что она вообще знает, кто я такой.

— Тоже на вечеринку идешь? — спросила Лили.

— Не-а, — ответил я, будто понимал, о какой вечеринке речь.

— Идешь-идешь. Я тебя похищаю.

Она взяла меня под руку, и я забыл, как дышать. Прикосновение девушки, пусть даже сугубо дружеское, едва не обратило меня в камень. Вкупе с теплым июньским ветерком оно пьянило, словно я в одиночку вылакал целую бутылку церковного кагора.

— Где вечеринка-то? — спросил я, стараясь не показывать волнения и надеясь, что вопрос прозвучал достаточно равнодушно.

— У Трейси, — сказала Лили, — на Уиллоу-стрит.

Я закивал как болванчик, одновременно пытаясь сообразить: там, значит, живет Трейси Карсон, еще одна девчонка, с которой я даже словом не перекинулся. Тем временем мы с Лили прошли два квартала и свернули на Уиллоу-стрит.

— Знаешь... меня вроде не приглашали, — пробормотал я, точно зная, что так и есть.

— Да ей плевать. И поздновато ты спохватился, — заметила Лили, отвернулась и стала подниматься по ступеням к двери. Перед этим она высвободила руку, и я почувствовал одновременно и настоящее облегчение, и глубокое разочарование.

Лили вежливо постучала и толкнула дверь. В доме вокруг обеденного стола собралось человек пятнадцать, они играли в какую-то игру с выпивкой. Все лица были знакомыми. Если в городке живет около пяти тысяч человек, рано или поздно встречаешь каждого из них.

— Гляньте, кого я нашла, — обратилась к компании Лили.

Никакой реакции не последовало, чему я только обрадовался. Лишь бы не презирали — и на том спасибо. Как любой семнадцатилетний подросток, я постоянно смущался, а иногда и впадал в истерику, но в то же время старался изобразить уверенность в себе.

Три четверти часа спустя компания почти утроилась, а классический рок по радио заиграл вдвое громче. Я подпирал стенку, держа в руке банку тепловатого пива и наблюдая за игрой, поучаствовать в которой меня не позвали. Потом пиво кончилось, но я сделал вид, будто

в банке еще что-то есть, и продолжал периодически подносить ее ко рту. Банку дала мне Лили: принесла с кухни, когда мы только пришли сюда. А потом со стайкой других девчонок упорхнула наверх и с тех пор не показывалась.

Мне пришло в голову, что лучше свалить. Наверняка никто даже не заметит.

Я посмотрел на дверь.

В тот вечер любая мелочь могла стать решающей, это уж точно. А если бы я задержался в церкви еще на минутку-другую и не встретился с Лили? Или пошел бы к дому другим путем? Но задним числом самым важным из череды поворотных мгновений мне кажется именно это, последнее, когда еще что-то можно было изменить. Сколько жизней пошли бы иначе, выйди я тогда на улицу?

Но я решил зависнуть еще ненадолго, поэтому добрел до кухни и взял из холодильника еще пива, надеясь, что никто меня не засечет, не разорется и не потребует заплатить.

А когда вернулся на старое место у стены, Лили тоже вернулась.

— Привет, — сказала она, — а я гадала, где ты.

Я показал на пиво.

— Допивай, — велела Лили.

— Зачем?

— Тут тухло, — брякнула она, нисколько не заботясь, что кто-нибудь может услышать. — Пойдем отсюда.

Мы по очереди пили из банки, пока та не опустела, а потом вышли из дома. Я воображал, что все смотрят, как мы удаляемся. Может, потом обо мне даже пойдут

слухи — заманчивая перспектива для парня, которого во всей школе никто не замечает.

Когда мы свернули в переулок, Лили взяла меня за руку. Как себя вести, я не знал, но без единого вопроса пошел за ней в лесистый пятачок неподалеку. Там мы уселись на поваленный ствол.

— Холодает что-то, — сказала она и прильнула ко мне. Я обнял ее одной рукой. — А ты неразговорчивый, — добавила Лили.

Я не ответил, только пожал плечами.

— Ну вот видишь! — Она с улыбкой подтолкнула меня локтем.

И мы без дальнейших прелюдий принялись целоваться. Я не пытался остановить Лили, когда она расстегнула ширинку моих брюк и сунула туда руку. Слов у меня не было, к тому же я все равно не понимал, хочу ли ее останавливать. Минута, и ее шорты упали на землю, а сама Лили оказалась верхом на мне. Чтобы все не завершилось в тот же миг, пришлось вскоре сдвинуть ее пониже и сбавить темп. Благодаря этим усилиям я смог продержаться еще минуты две, прежде чем мы кончили. А потом просто растянулись рядом на земле.

— Хорошо было, — шепнула Лили.

— Ага, — согласился я, чтобы сказать хоть что-то.

* * *

В то лето я томился по Лили каждый божий день и сканировал взглядом улицы, стоило только выйти в город. Когда родители увозили меня вместе со всей

церковной общиной на трехдневные вылазки на природу, я то и дело звонил домой на случай, если Лили оставила сообщение. И без конца размышлял, не позвонить ли ей, то убеждая себя, что она не станет со мной разговаривать, то свято веря, будто она только и ждет, чтобы я сделал шаг навстречу. А потом наступил август, и она постучалась в мою входную дверь. Увидев Лили, я не смог сдержать улыбку.

— Привет.

— Привет. Ты один?

— Да. Мама с папой в церкви.

— И больше дома никого нет?

— Никого.

— Можно зайти?

Я открыл дверь. Лили вошла, остановилась посреди гостиной и повернулась ко мне лицом.

— Я беременна.

Слова мигом застряли в пересохшем горле, а в животе вспух тугой комок страха и тоски. Я до сих пор ощущаю эхо тех чувств. Порой они прокрадываются в мои сны, и я просыпаюсь, разбуженный отголосками паники, которая накатила на меня тогда.

Когда ко мне наконец вернулся дар речи, я по два раза задал Лили каждый из вопросов: был ли у нее секс с другим («Нет! Я тебе не шлюха какая-нибудь, просто выпила слишком много! Ты тоже виноват!») и уверена ли она («Кузина купила мне два теста на беременность, и оба положительные»).

— И что мы будем делать?

— Кузина обещала дать мне свои документы. И звалась отвезти в Филли¹ на аборт.

— Ясно. Ага. Ладно. Хорошо, — забормотал я, вцепляясь в ее ответ, как в спасательный круг. Авось удастся спасти положение, не впутывая моих родителей.

— Это дорого, — сообщила Лили.

— Сколько?

— Кузина возьмет отгул на два дня. Потом еще поездка в Филли. Мы решили наврать моей маме, что едем на концерт и собираемся переночевать в отеле. И, сам понимаешь, доктору заплатить придется. Кузина прикинула, надо около тысячи. На все про все.

— У тебя столько есть?

— Разве что баксов шестьдесят. Поэтому я и пришла. Были бы бабки, уже поехала бы. А у тебя сколько?

Баланс моего банковского счета только-только перевалил за сотню долларов.

— Когда ты собираешься в Филли?

— Если добуду нужную сумму, то на следующей неделе. А если нет... ну, не знаю.

— Деньги я достану, — пообещал я. — Записывайся к врачу.

* * *

Следующие несколько дней я провел в терзаниях, до глубокой ночи изыскивая способы добыть тысячу долларов, но ни у одной из моих идей не было шансов

¹ Шутливое название Филадельфии. — *Здесь и далее примеч. пер.*

воплотиться в реальность. К среде я пришел в отчаяние. Единственным вариантом осталась кража, которую изначально я отмел. Продать церковную утварь вряд ли удалось бы, и мне подумалось про обручальное кольцо матери.

Она хранила его в деревянной шкатулке на туалетном столике.

И я взял кольцо, обещая себе, что скоро верну его, хотя у меня не было конкретного плана, как это проверить. Потом я позаимствовал отцовскую машину и проехал сорок миль до Харрисбурга, где владелец тамошнего ломбарда предложил мне триста долларов. Я забрал кольцо и повернулся, чтобы уйти.

— погоди, — окликнул меня скупщик, — сколько тебе надо?

— Тысячу.

Он фыркнул.

Я потянулся рукой к двери.

— Могу дать семьсот пятьдесят, — предложил хозяин ломбарда.

Я мотнул головой.

— Ладно, возвращайся, — вздохнул он, когда моя ладонь легла на дверную ручку.

* * *

Через неделю Лили съездила в Филадельфию и вернулась. Когда я позвонил, она сказала:

— Да, дело сделано. — А еще через три фразы бросила: — Не звони мне больше, ладно?

* * *

Прошло несколько дней, и как-то вечером отец поступался в мою спальню.

— Ты был недавно в нашей комнате? — спросил он.

— Нет. А что?

— Может, порядок наводил?

— Нет.

— Твоя мать очень расстроена. Не может найти обручальное кольцо.

— А если она его в магазине потеряла или еще где?

— Она почти не носит его. Надевает только по особым поводам.

— А-а.

— Страховой агент оценил кольцо в десять тысяч долларов, но дело даже не в деньгах. Оно принадлежало моей матери, а мне его дал отец, чтобы я подарил своей невесте.

— Наверное, мама его где-то дома уронила.

— Тогда давай поможем ей искать.

— Прямо сейчас?

— Нет, сейчас слишком поздно. Завтра, когда будет светло.

— Хорошо.

Я попытался вернуться к книге, которую якобы читал, но отец по-прежнему торчал в дверном проеме.

— Ты хорошо себя чувствуешь? Я несколько раз слышал, как ты бродишь по ночам.

— Все нормально.

— Помни, ты можешь все мне рассказать. Я не стану тебя осуждать.

— Да. Знаю.

Папа повернулся, чтобы выйти, но остановился и снова посмотрел на меня.

— Нейтан, ты точно не видел кольцо?

Я видел, чего ему стоило произнести это. Отец избегал слов, когда можно было обойтись жестом или взглядом. Его вопрос предполагал доверие, честность — идеалы, которыми папа жил и которые побуждал меня чтить.

— Нет, — ответил я.

На другой день мы с мамой перерыли весь дом: проверили скопившийся в пылесосе мусор, обыскали щели между диванными подушками. Когда маме было двенадцать, она попала в автомобильную аварию и лишилась ноги ниже колена. Теперь она носила протез и хромала, поэтому залезать на стулья, чтобы осмотреть полки, пришлось мне.

Я изображал усердные поиски, хотя в глазах стояли слезы.

* * *

А на следующий день мама поскользнулась и упала, спускаясь по лестнице в подвал. Она сломала оба бедра и разбила череп о бетонный пол. Мы решили, что мама продолжила поиски кольца, ради чего и отправилась в подвал.

Она умерла спустя два дня после падения.

* * *

Некоторые пытаются сбежать от своего стыда. Другие, вроде меня, подходят вплотную в надежде его задавить.

После окончания школы я остался в городе с отцом, которого опустошила мамина смерть. Я жил в родительском доме и занимался хозяйством, изо всех сил стараясь порадовать папу, но по-прежнему хранил молчание о своем проступке. Постепенно я тихо возненавидел и себя самого, и то, на что пошел ради денег.

Устроившись на работу в цех сборочной мастерской, я несколько лет прожил как во сне, сторонился девушек и никак не мог прийти в себя после случившегося. Потом отца разбил инсульт, и я еще некоторое время ухаживал за ним, пока однажды утром, зайдя к нему в комнату, не обнаружил папу мертвым. Я разрыдался, но отчасти это были слезы облегчения: больше не придется скрывать от отца свою страшную тайну.

* * *

Месяц спустя во время вечерней смены я повредил руку зазубренным куском листового металла. Меня отвезли в городскую больницу, и молодой врач наложил мне пятнадцать швов.

— Вы даже не поморщились ни разу, — с улыбкой заметила медсестра Пола, когда он вышел из процедурной.

Я влюбился в нее с первого взгляда: высокая, всего на пару дюймов ниже моих шести футов, с короткими каштановыми волосами и внимательными зелено-карими

глазами. При такой внешности Пола могла бы казаться суровой, но после первых же слов по стерильно-белой процедурной разлилось излучаемое ею тепло. Хватило сущей мелочи, чтобы получить в награду ее искреннюю добрую улыбку, и я не мог не улыбнуться в ответ.

Через полтора года Пола стала моей женой.

Мы поселились в Локсбурге и взялись за ремонт старого дома управляющего угольной компанией, где давно уже никто не жил. Шесть его спален в будущем предназначались для веселых ребятишек, поэтому стены решено было покрасить в яркие цвета, которые наверняка понравятся обитателям детских. Пусть сам я так и не смог сбежать из города, но надеялся обрести тут семейное счастье и вырастить сыновей и дочерей, которые выпорхнут в мир, а потом вернуться и расскажут мне о своих приключениях, пока по дому будут бегать уже их дети.

Мы с Полой привели дом в порядок четыре года спустя. Нас по-прежнему было всего двое.

Но куда спешить? Нам обоим лишь недавно перевалило за тридцать. Мы были еще молоды.

* * *

На прошлой неделе Поле исполнилось сорок два года. В день ее рождения мы отправились в Харрисбург, куда приехал с гастролями театр. Давали «Отверженных». Пола — медсестра что надо, настоящий толковый профессионал, но и она не лишена сентиментальной жилки, которая залегает не так уж глубоко. Во время спектакля

жена извела целую пачку бумажных носовых платков, а потом в дело пошел и рукав. Я невольно ухмыльнулся, но вскоре — если только мне не почудилось — мы оба оцепенели, когда прозвучала реплика главного героя о том, что у него нет детей. Услышав ее, я застыл в кресле, надеясь, что эти слова скоро забудутся, как и те мгновения, когда мы с женой смотрели по телевизору какой-нибудь ситком, где родители жалуются на своих отпрысков, или шли мимо витрины с детскими вещами, или проезжали рекламный щит с милым карапузом, держащим маму за руку.

Если у вас нет детей, все будто нарочно напоминает об этом, особенно в маленьком городке. В мегаполисах жизнь устроена иначе, но в провинции уважают большие семьи и недоумевают, видя бездетные пары. Даже каждая комната нашего дома, который так и не дождался появления детей, теперь будто насмеялась над нами. Однако переехать означало бы признать поражение, что будет почти так же болезненно, как потерять его.

Лишь однажды Пола спросила, сильно ли я разочарован, что у нас нет детей. И лишь однажды я солгал ей. Сразу после того, как она, задав этот вопрос, вдруг расплакалась и принялась винить себя в наших проблемах. Тогда-то я и сказал:

— Это совершенно для меня неважно. Честное слово.

Год или два назад мы пришли к негласному решению и стали брать дополнительную работу: она — у себя в больнице, а я — в мастерской. Еще я стал чаще ходить на рыбалку. Вступил в добровольную пожарную

команду. И набрал двадцать фунтов, потому что, вернувшись с вызовов, мы с парнями-пожарными обычно пили пиво. Я стал выглядеть почти как любой мужик примерно моего возраста из наших краев: обтянутый фланелевой рубашкой живот через пару лет начнет нависать над кожаным ремнем, удерживающим потертые до голубизны джинсы, а выдавшая виды бейсболка прикрывает макушку, шевелюра над которой вот-вот начнет редеть. Слишком часто, глядя в зеркало, я думал: «Ну вот, Нейтан, ты и докатился. Стал тем, кем клялся не становиться никогда в жизни». А потом я начал избегать своего отражения.

Почти пятнадцать лет подряд мы с Полой надеялись обзавестись потомством, следовали всем рекомендациям, читали бесчисленные статьи, посещали врачей-специалистов. А потом, не признаваясь в этом друг другу, молча сдались, отказались от мечты, которая для многих так легко становилась реальностью.

И пусть мы не сумели посмотреть правде в глаза, но хотя бы нашли себе другие занятия.

* * *

Как-то после обеда я возвращался с озера Лорел, и телефон выдал сигнал из трех нот, предшествующий сообщению пожарного департамента. Я удивился: в охотничьих угодьях штата, откуда я только-только выехал, всегда были проблемы с сотовой сетью.

Сообщение гласило: «Возгорание в хижине на 16-й миле Мишо-роуд. На место выехали пожарная машина

и скорая помощь. Повторяю: возгорание на 16-й миле по Мишо-роуд».

Я и так ехал по Мишо и только что миновал отметку 18 миль, поэтому не стал даже утруждать себя включением мигалки. Сегодня я хотя бы смогу почувствовать себя полезным человеком. Клева на озере Лорел не было совсем, и в какой-то момент я осознал, что сижу в своей плоскодонке, тарашусь в воду, убиваю время и вовсе не спешу домой. От берега отчалила еще одна лодка с мужчиной приблизительно моего возраста и мальчишкой двенадцати-тринадцати лет. Когда она закачалась на воде, мальчишка радостно засмеялся. Хотя обычно я стараюсь не думать о детях, на этот раз у меня ничего не вышло. В таком возрасте мальчишки все нараспашку: хулиганистые, любознательные, дружелюбные — пока внешний мир не научит их закрываться. Я улыбнулся, вскинул руку и помахал им обоим, но они были так увлечены своим приключением, что даже не замечали меня. Пришлось опустить руку и рыбачить в одиночестве дальше.

Я медленно вошел в поворот: лодка лежала в кузове пикапа, а нос торчал над бортом. Не хватало только, чтобы она выпала на асфальт. Потом поворот закончился и стал виден столб дыма.

Дом оказался одноэтажной хибарой, мимо которой я проезжал, наверное, раз сто, но вряд ли замечал, а если и заметил, то посчитал заброшенной. Она стояла в пятидесяти ярдах от шоссе, вместо подъездной дорожки к ней тянулась грязная колея, по которой автомобили могли

подкатывать ко входу. Сейчас перед домом был припаркован зеленый битый «шевроле».

Большинство загородных домов, которые еще остались стоять в округе, опустели или использовались как охотничьи хижины. Иногда старшекласники приезжали из города потусить в каком-нибудь из них, а пару лет назад спалили один дотла, то ли случайно, то ли умышленно. Этот дом явно ждала та же судьба, если только пожарная машина не появится в ближайшие пять минут. В дальней от входной двери комнате полыхали занавески, а через дыру в крыше валил дым.

Мысль, что внутри может оказаться какой-нибудь школьник, одновременно злила и подгоняла. Вдруг один из прыщавых дурачков спяну вырубился в комнате? Правила пожарной службы запрещают в одиночку входить в горящие здания, но я все же решил рискнуть, к тому же полыхала только задняя часть дома и у меня было время по-быстрому осмотреться.

Я нащупал ручку входной двери, повернул ее и вошел. Комнату, где я оказался, освещала электрическая настольная лампа. Это стало неожиданностью. Должно быть, в доме был газовый генератор. Я плотно закрыл за собой дверь, чтобы сквозняк не раздул огонь еще сильнее, и заорал в полный голос, чтобы разбудить любого соню:

— Пожар! Пожар! Здесь кто-нибудь есть? Помощь нужна?

В задней части дома разбилось окно, за звоном стекла я вроде бы услышал еще какой-то звук и прошел чуть

дальше. Пока входная дверь остается в поле зрения, всегда можно выскочить, если тут станет слишком жарко.

— Дом сейчас рухнет!

Вдоль потолка тянулась пелена дыма в полфута длинной. Если владелец машины без сознания, он скоро поджарится.

— Эй! Есть кто живой?

Дверь из передней комнаты вела, вероятно, в спальню. Нашупать ручку. Отлично. Повернуть ее. На полу за дверью я увидел матрас в окружении пивных бутылок и всякого мусора.

На нем лежал зеленый пакет для строительного мусора. Его содержимое явно было тяжелым, судя по тому, как прогнулся матрас. Я шагнул к пакету и заглянул внутрь.

Когда я увидел первую пачку денег, то чуть не расхохотался, до того это было абсурдно. Я отодвинул ее в сторону. Под ней оказались десятки таких же: хрустящие стопки в два дюйма толщиной. Двадцатки. Полтинники. Сотенные. Я просовывал руку все глубже и нащупывал новые и новые пачки купюр.

Первая, совершенно идиотская мысль: ребята из пожарной команды решили меня разыграть. Небось, где-нибудь установлена скрытая камера. Но тут я закашлялся и выбросил эту идею из головы: дом грозил оказаться смертельной ловушкой.

Никаких мыслей у меня не было, я просто действовал. Поднял мешок, который весил где-то фунтов пятьдесят. Взвалил его на плечо и бросился вон из спальни.

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

КЕН ДЖАВОРОВСКИ
ГРЕХИ МАЛЕНЬКОГО ГОРОДКА

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол койылды 04.10.2024.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 18,48. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вв. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, к. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaomprk.ru, тел.: (49638) 20-685

R-SNS-35689-01-R